

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 131—142.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 131—142.

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.9

КАЧЕСТВО СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
НАМЕРЕНИЯ РАССТАТЬСЯ
И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РОССИИ

Чурилова Елена Владимировна, Захаров Сергей Владимирович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
г. Москва, Россия, evchurilova@hse.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования качества отношений между супругами, намерений расстаться и их реализации в краткосрочной (3 года) и среднесрочной (7 лет) перспективах. Анализ основан на данных трех волн панельного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе». Для анализа использовались данные о мужчинах и женщинах, состоящих на момент опроса 2004 г. в брачно-партнерском союзе, при условии, что он заключен не ранее 1965 г. (N = 3159). Выявлено, что женщины чаще, чем мужчины, высказывают намерения расстаться с партнером независимо от длительности их отношений. Намерения расстаться, в свою очередь, как у мужчин, так и у женщин тесно связаны с оценкой удовлетворенности отношениями с супругами. С помощью методов анализа наступления событий обнаружено, что женщины в большей степени, чем мужчины, склонны реализовывать намерения расстаться в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: намерения расстаться, развод, семейные конфликты, качество брака, факторы разводимости

Благодарности: исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и поддержано в рамках программы субсидирования проекта «5—100».

Для цитирования: Чурилова Е. В., Захаров С. В. Качество семейных отношений, намерения расстаться и их реализация у мужчин и женщин в России // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 131—142.

Original article

PARTNERSHIP QUALITY, UNION DISSOLUTION INTENSIONS AND THEIR REALIZATION AMONG MEN AND WOMEN IN RUSSIA

Elena V. Churilova, Sergey V. Zakharov

National Research University “Higher School of Economics” (Moscow),
Moscow, Russian Federation, evchurilova@hse.ru

Abstract. This study used three waves of the Generation and Gender Survey, which was conducted in Russia in 2004, 2007 and 2011 to test the association between marital quality, marital conflicts, union dissolution intentions and union dissolution realization in short-term (3 years) and medium-term (7 years) periods of time. Independent of the union duration women are less satisfied and reported more conflicts in union than men. Dissatisfaction in relationship both among men and women and frequent family conflicts reported by women are associated with union dissolution intentions. Using competing-risk regression, we reveal that intentions to union dissolution, in particular in women, are important predictor of relationship dissolution, although other factors are also related to union dissolution.

Key words: union dissolution, divorce, marital conflicts, marital quality, predictors of divorce

Acknowledgements: the article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” and supported within the framework of a subsidy by Project “5—100”.

For citation: Churilova, E. V., Zakharov, S. V. (2022) Kachestvo semeinykh otnosheniĭ, namereniia rasstat'sia i ikh realizatsiia u muzhchin i zhenshchin v Rossii [Partnership quality, union dissolution intentions and their realization among men and women in Russia], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 131—142.

Введение

Для большинства людей наличие семейных отношений, наряду с хорошим здоровьем и материальным благополучием, ассоциируется со счастьем и высокой удовлетворенностью жизнью [Киселева, Стриелковски, 2016]. Разведенные и вдовы реже ощущают себя счастливыми [Гурко, 2018]. Однако, вступая в брачный союз, женщины зачастую в большей степени, чем мужчины, ожидают улучшения качества жизни, в частности роста финансового благополучия, при сохранении свободы и независимости от партнера [Wiik, Bernhardt, 2019]. Эти ожидания особенно ярко выражены у женщин в странах Восточной Европы, в том числе в России, что связано с более высоким уровнем гендерного неравенства, проявляющегося прежде всего в экономической сфере [Human Development Report... , 2019]. К настоящему времени ряд исследователей полагают, что вовлечение женщин в рынок труда, а мужчин, наоборот, в выполнение семейных обязанностей способно позитивно сказаться на качестве и крепости семейных отношений [Goldscheider et al., 2015].

Качество семейных отношений и частота конфликтов являются важными предикторами будущего развода [Røsand et al., 2014]. Разногласия между супругами — основная причина разрушения семьи. Если исследования распространенности разводов и их социально-демографических детерминантов довольно широко представлены в публикациях [Avdeev, Monnier, 2000; Andersson et al., 2017; Wagner, 2020], то исследования качества семейных отношений у российских пар зачастую проводились вне взаимосвязи с риском их расторжения [Голод, 1984; Гурко, Босс, 1995; Пишняк, 2009; Гурко, 2018], а исследования взаимосвязи между качеством семейных отношений, намерениями расстаться с супругом и реализацией этих намерений не проводились вообще. Настоящая статья является одной из первых попыток восполнить образовавшиеся пробелы в наших знаниях о брачно-семейных отношениях в современной России — проанализировать, в какой степени влияют зафиксированные в ходе опросов намерения расстаться с партнером на риск разрыва отношений в дальнейшем.

Разводы в России

В России на протяжении длительного времени наблюдается один из самых высоких уровней разводимости в Европе [Wagner, 2020]. Число разводов на один брак с учетом его продолжительности на протяжении 2000-х и 2010-х гг. составляет 0,5 и выше: каждый второй брак, заключенный в расчетном году, имеет шанс завершиться разводом [Население России... , 2017]. К факторам, повышающим риск развода российских брачных пар, относят молодой возраст, длительность брака от 2 до 5 лет, добрачное зачатие, отсутствие детей, опыт пережитого развода родителей, пьянство супругов [Jasilioniene, 2007; Keenan et al., 2013]. Среди причин разводов на протяжении длительного времени доминируют различия в характере и интересах супругов, конфликты из-за алкоголя и измены [Чуйко, 1975; Ржаницына, Архангельский, 2008]. У населения наблюдается позитивное отношение к разводу в случае неудачного брака [Синельников, 2017].

Качество брака и его стабильность

Согласно теории нестабильности брака, его качество определяется совокупностью выгод, инвестиций и издержек (числом конфликтов) [Wagner, 2020]. На принятие решения о сепарации и разводе могут оказывать влияние альтернативные возможности (например, возможность найти другого партнера), а также внешние издержки и барьеры (например, стоимость бракоразводного процесса и возможность раздельного проживания). Измеряемыми индикаторами степени качества брака служат субъективная оценка удовлетворенности браком, наличие конфликтов в семье и умение их решать, а также социально-демографические характеристики супругов. Исследования показывают, что оценки удовлетворенности семейными отношениями наиболее высоки сразу после вступления в брак [Kurdek, 2005]. Частые конфликты снижают удовлетворенность семейной жизнью, делают отношения в семье менее стабильными [Amato, Hohmann-Marriott, 2007]. Неудовлетворенность браком обычно предшествует его расторжению [Handbook of divorce... , 2006]. Проблемы в отношениях часто начинаются до брака или сразу после него и затем сохраняются [James, 2015]. Частота конфликтов может

зависеть от стадии жизненного цикла семьи и возраста супругов [Hatch, Bulcroft, 2004], а также от того, является ли брак зарегистрированным или нет [Van der Lippe et al., 2014]. В то же время С. И. Голод в конце 1970-х — начале 1980-х не выявил различий в удовлетворенности отношениями между российскими мужчинами и женщинами [Голод, 1984]. Систематизируя исследования семей в Москве, Т. А. Гурко и П. Босс сделали предположение о том, что удовлетворенность семейными отношениями с годами супружеской жизни снижается [Гурко, Босс, 1995]. В середине 2000-х было выявлено, что в 40 % российских семей с детьми случаются конфликты, в 20 % из них — в наиболее жесткой форме [Пишняк, 2009].

Данные и методы

Наши расчеты основаны на панельных данных выборочного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ)*. В России были проведены три волны опроса с панельной составляющей в 2004, 2007 и 2011 гг. В каждой волне обследования было опрошено более 11 тыс. респондентов обоего пола в возрасте 18 лет и старше. Методология исследования подробно изложена в его программе [Захаров и др., 2007].

Панельная составляющая РиДМиЖ позволяет проанализировать качество семейных отношений, наличие намерений расстаться и их реализацию у 3159 мужчин и женщин, которые на момент опроса в 2004 г. состояли либо в браке, либо в незарегистрированном союзе. Анализ был ограничен союзами, созданными в 1965 г. и позже, т. е. в условиях более либерального, чем прежде, бракоразводного законодательства.

Качество семейных отношений измерялось на основе ответов на два вопроса. Первый из них — это вопрос о степени удовлетворенности отношениями: «Насколько Вы удовлетворены отношениями между Вами и Вашим партнером / супругом / Вашей партнершей / супругой?» Данная оценка — субъективный показатель, и на нее в момент опроса могут влиять различные факторы (настроение, усталость, конфликты накануне и т. д.). Кроме того, промежуток времени между измерением удовлетворенности отношениями и расставанием с партнером в ряде случаев может быть довольно длительным.

Второй — это блок вопросов о частоте конфликтов. Вопрос сформулирован следующим образом: «Как часто за последние 12 месяцев между Вами и Вашим партнером / супругом / Вашей партнершей / супругой случались разногласия по поводу...» Респондентам предлагалось оценить частоту разногласий по девяти возможным поводам (шкала от 1 до 5 — «никогда», «очень часто» соответственно): по поводу домашних обязанностей, денег, проведения досуга, интимных отношений, отношений с друзьями, отношений с родителями и родителями супруга(и), воспитания детей, решения иметь ребенка, употребления алкоголя. Полученные оценки каждого респондента суммировались, и таким образом для каждого респондента мы получили переменную частоты конфликтов,

* Исследование являлось частью международного проекта сравнительных исследований Европейской экономической комиссии ООН в рамках Generations and Gender Programme — программы «Поколения и гендер» (<https://www.ggp-i.org/about/>).

значения которой варьировались от 9 до 45; чем больше значение переменной, тем по большим поводам и чаще у респондента были за последний год разногласия с партнером/партнершей.

Основная объясняющая переменная сконструирована на основе комбинации ответов на два закрытых вопроса: «За последние 12 месяцев приходила ли Вам в голову мысль расстаться с Вашим партнером / супругом / Вашей партнершей / супругой?» и «Вы — именно Вы — собираетесь расстаться с Вашим партнером / супругом / Вашей партнершей / супругой в течение ближайших трех лет?» Ответы объединены в три категории: 1) «определенно или скорее да»; 2) «определенно или скорее нет»; 3) «не думал(а) о расставании». Другие независимые переменные, включенные в регрессионную модель, — порядок союза, число детей, тип союза, образование респондента, когорта сформировавших союзы, место жительства. Для достижения цели исследования была использована регрессионная модель с учетом конкурирующих рисков. В качестве конкурирующих событий мы рассматривали распад брачно-партнерского союза и смерть партнера.

Результаты

Средняя оценка удовлетворенности отношениями с супругой мужчин составляет 8,6 балла (стандартное отклонение 1,74), она не зависит от длительности существования брачно-партнерского союза. Средняя оценка удовлетворенности семейными отношениями женщин — 7,4 балла (стандартное отклонение 2,4), значимо меньше, чем оценка мужчин (критерий Стьюдента 13,97, $p < 0,01$). Оценки женщин увеличиваются в зависимости от длительности существования семьи от 7,3 в когорте сформировавших союзы в 1965—1979 гг. до 7,9 в когорте создавших союзы в 2000—2004 гг., однако значимой взаимосвязи выявлено не было (Хи-квадрат 40,5, $p = 0,095$).

Индекс частоты семейных конфликтов в оценках мужчин в среднем составляет 15,6. Его значения слабо варьируются в когортах сформировавших союзы с 1965 по 1999 г., однако выше в когорте вступивших в партнерский союз в 2000—2004 гг. (16,5). Средний индекс частоты семейных конфликтов в оценках женщин составляет 16,8. При распределении значений этого индекса по когортам сформировавших союзы получается дугообразная форма. Максимальный индекс частоты семейных конфликтов наблюдается в оценках женщин, вступивших в союз в 1980-е и 1990-е. Различия в значениях среднего индекса частоты семейных конфликтов в оценках мужчин и женщин являются статистически значимыми (критерий Стьюдента $-4,6$, $p < 0,01$).

Несмотря на то что женщины лишь чуть ниже, чем мужчины, оценивают удовлетворенность семейной жизнью и одинаково с ними оценивают частоту конфликтов, они в два раза чаще, чем мужчины, задумываются о завершении отношений с партнером независимо от того, как давно был сформирован их брачно-партнерский союз (рис. 1). Чем меньше времени прошло с момента начала совместного проживания с партнером, тем больше женщин думали в последний год о целесообразности продолжения отношений с ним. Для мужчин подобная тенденция нехарактерна.

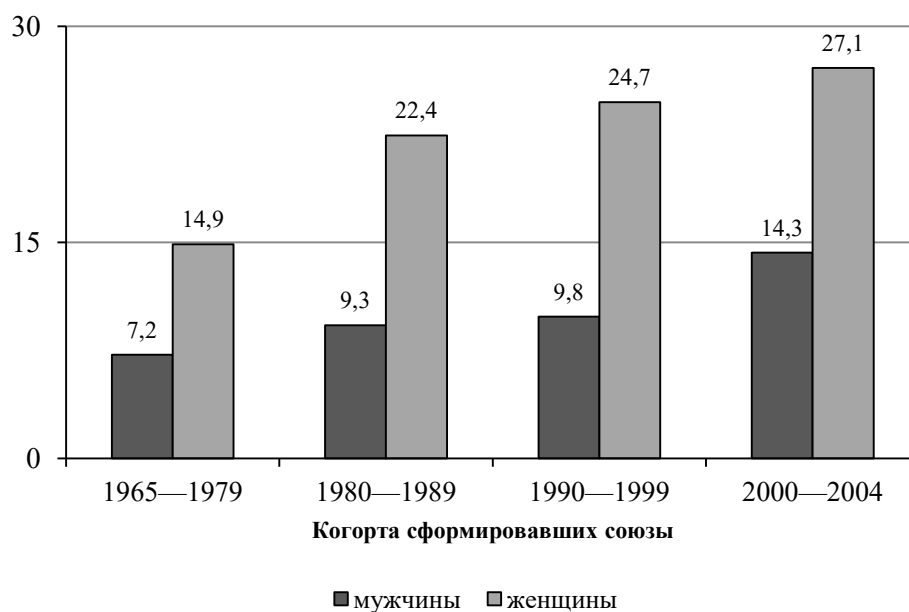

Рис. 1. Доля мужчин и женщин, думавших в последние 12 месяцев о расставании с партнером/партнершей, в зависимости от когорты сформировавших союзы (по данным РИДМЖ-2004), % от числа ответивших

При рассмотрении ответов на вопрос о намерениях расстаться с партнером/партнершей в ближайшие 3 года выявлено, что среди недавно начавших совместное проживание в союзе треть мужчин и женщин планируют прекратить отношения. Но среди мужчин, состоящих в союзе более 15 лет, желание прекратить отношения с текущей партнершей выразили только 6 %, а среди состоящих в союзе в течение 5—14 лет — 14 %. Иная ситуация у женщин. Намерение разойтись с партнером высказала каждая четвертая женщина среди думавших о разрыве отношений в когортах создавших союзы в 1965—1979 гг. и каждая третья женщина в когортах сформировавших союзы в 1980—1989 и 1990—1999 гг.

Кросс-табуляции оценок удовлетворенности семейной жизнью и частоты конфликтов с высказанными намерениями расстаться показали, что женщины, которые не думали о расставании с партнером, выше оценивают свою семейную жизнь и декларируют меньшую частоту конфликтов с ним (таблица). У мужчин намерения расстаться оказались значимо связаны только с оценкой удовлетворенности семейной жизнью.

Результаты проведенного регрессионного анализа показывают, что декларирование четко определенных намерений расстаться с партнером в ближайшие 3 года значительно повышает риск завершения отношений: для мужчин в 2,2 раза в среднесрочной перспективе, а для женщин в 5,4 раза в краткосрочной перспективе и в 3,3 раза в среднесрочной перспективе (рис. 2). Женщины, которые сомневаются в необходимости завершения отношений с партнером, в итоге все равно расстаются с ним в 1,8 раза чаще тех, которые не думали о расставании.

Средняя оценка удовлетворенности семейной жизнью и средний индекс частоты конфликтов в зависимости от намерений расстаться

Намерение расстаться	Средняя оценка удовлетворенности семейной жизнью		Средний индекс частоты конфликтов	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Не думал(а) о расставании	8,65	7,93	15,10	15,28
Определенно или скорее нет	7,28	6,16	18,75	19,66
Определенно или скорее да	6,38	4,37	17,57	23,09

Проживание в городе статистически значимо повышает риск расторжения брачно-партнерского союза и для мужчин, и для женщин как в ближайшие 3 года, так и на более длительном отрезке времени.

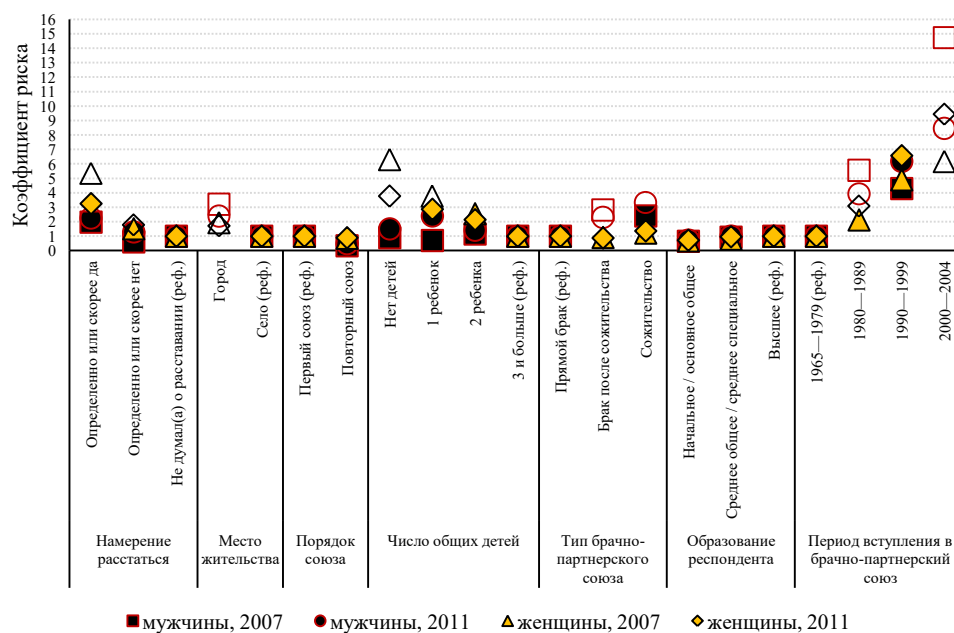

Рис. 2. Результаты регрессии с учетом конкурирующих рисков (коэффициенты риска): белой заливкой выделены коэффициенты, значимые при $p > 0,1$

Помимо уже обозначенных факторов, для мужчин выше риск завершения отношений в краткосрочной перспективе в случае, если они вступили в брак после сожительства и состоят в семейных отношениях не более 5 лет. В течение 7 лет после опроса мужчины, состоящие в сожительстве, расставались с партнершами в 3,3 раза чаще, а состоящие в браке после периода сожительства в 2,3 раза чаще, чем мужчины, вступившие в прямой брак. Однако если для мужчины текущий

брачно-партнерский союз является не первым, то риск его распада, наоборот, снижается в 2 раза.

Существенное влияние на решение женщин о разводе оказывает отсутствие общих детей с партнером. В течение 3 лет наблюдения бездетные женщины расставались с брачным партнером в 6,3 раза чаще, чем многодетные. В течение 7 лет наблюдения бездетные решались на расставание в 3,8 раза чаще, а однодетные в 2,9 раза чаще, чем многодетные.

Женщины, вступившие в союз в 2000—2004 и в 1990—1999 гг., в течение 3 лет наблюдения завершали семейную жизнь в 6,2 и 4,9 раза чаще, чем давно состоящие в брачно-партнерском союзе. Однако через 7 лет риск завершения брачно-партнерского союза оказывался значимо более высоким не только для женщин, вступивших в брак после 1990 г. и обладающих относительно небольшим опытом семейной жизни, но и для женщин, начавших супружескую жизнь в 1980-е и имеющих стаж супружеской жизни 20—30 лет.

Выводы и дискуссия

Проведенный анализ показал, что мужчины оценивают удовлетворенность семейными отношениями выше, а частоту семейных конфликтов декларируют ниже, чем женщины. Как следствие, мужчины реже сообщают о намерениях расстаться со своими супругами. Доля женщин, которые думали о расставании с партнером, тем выше, чем меньше длительность их отношений. Степень определенности намерений расстаться тесно связана с оценкой удовлетворенности супружескими отношениями. У женщин она также связана с частотой конфликтов. Риск прекращения брачно-партнерских отношений выше у женщин, деклариовавших определенные намерения расстаться, что говорит о большей решительности женщин в вопросе инициирования процесса развода или расставания. Риск завершения сожительства и отношений, начавшихся с сожительства, выше у мужчин, что может свидетельствовать как о более либеральных взглядах на семью выбравших данный тип союза, так и о более решительной реакции в ответ на снижение качества незарегистрированных отношений.

Наши результаты подтвердили, что качество отношений и поведенческие намерения являются важными предикторами завершения отношений. Требования к качеству отношений с партнером у женщин выше, чем у мужчин, недовольство по поводу его несоответствия ожиданиям выражается в более определенной и открытой форме, что находит отражение и в поведенческих практиках — высоком риске разрыва отношений. Мы полагаем, что наши результаты указывают на релевантность для современного российского общества концепции нового гендерного баланса в семье [Goldscheider et al., 2015]. Другие исследования подтверждают, что в современных российских семьях супруги наиболее часто придерживаются одновременно и традиционалистских, и эгалитарных норм семейных отношений [Клецина, Векилова, 2020]. Кроме того, мужчины и женщины в понятие семейных обязанностей могут вкладывать разный смысл; в результате они декларируют готовность к равному распределению домашних обязанностей, а на практике оказывается, что большая их часть все же лежит на женщине [Задворнова, 2014].

Используемые нами данные не позволяют объяснить, почему российские мужчины не стремятся быстро реализовывать намерения расстаться. Мы можем только предположить, что либо у мужчин более низкие стандарты качества отношений, либо они более высоко оценивают издержки их завершения (например, необходимость раздела имущества и выплаты алиментов) и поиска новой партнерши. Для подтверждения или опровержения этих предположений требуются дальнейшие исследования.

Список источников

- Голод С. И.* Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 136 с.
- Гурко Т. А.* Благополучие мужчин и женщин различного брачного статуса: Россия в международном контексте // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 1. С. 73—94.
- Гурко Т. А., Босс П.* Отношения мужчин и женщин в браке // Семья на пороге третьего тысячелетия / ред. А. И Антонов, М. С. Мацковский, Дж. Мэддок, Дж. Хоган. М.: Ин-т социологии РАН: Центр общечел. ценностей, 1995. С. 35—70.
- Задворнова Ю. С.* Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 51—58.
- Захаров С. В., Малева Т. М., Синявская О. В.* Программа «Поколения и гендер» в России: вопросы методологии // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: Независим. ин-т соц. политики, 2007. Вып. 1. С. 35—74.
- Киселева Л. С., Стриелковски В.* Восприятие счастья россиянами // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 86—91.
- Клецина И. С., Векилова С. А.* Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформаций // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 78—91.
- Население России 2015 / отв. ред. С. В. Захаров. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017.
- Пишняк А. И.* Внутрисемейные конфликты: основания, концентрация, детерминанты // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: Независим. ин-т соц. политики, 2009. Вып. 2. С. 185—204.
- Ржаницына Л., Архангельский В.* 1000 москвичек — о разводе и алиментах на детей // Человек и труд. 2008. № 6. С. 29—32.
- Синельников А. Б.* Субъективные причины развода: данные исследования // Вестник МГУ. Сер. 18, Социология и политология. 2017. № 3. С. 116—139.
- Чуйко Л. В.* Браки и разводы. М.: Статистика, 1975. 175 с.
- Andersson G., Thomson E., Duntava A.* Life-table representations of family dynamics in the 21st century // Demographic Research. 2017. Vol. 37. P. 1081—1230.
- Amato P. R., Hohmann-Marriott B.* A comparison of high and low-distress marriages that end in divorce // Journal of Marriage and Family. 2007. Vol. 69, № 3. P. 621—638.
- Avdeev A., Monnier A.* Marriage in Russia: a complex phenomenon poorly understood // Population: an English Selection. 2000. Vol. 12. P. 7—50.
- Goldscheider F., Bernhardt E., Lappegård T.* The gender revolution: a framework for understanding changing family and demographic behavior // Population and Development Review. 2015. Vol. 41, № 2. P. 207—239.

- Handbook of Divorce and Relationship Dissolution / ed. by M. A. Fine, J. H. Harvey. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum, 2006. 696 p.
- Hatch L. R., Bulcroft K. Does long-term marriage bring less frequent disagreements?: five explanatory frameworks // *Journal of Family Issues*. 2004. Vol. 25, № 4. P. 465—495.
- Human Development Report 2019: beyond Income, beyond Averages, beyond Today: Inequalities in Human Development in the 21st Century. New York, 2019. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2019> (дата обращения: 21.09.2021).
- James S. L. Variation in marital quality in a national sample of divorced women // *Journal of Family Psychology*. 2015. Vol. 29, № 3. P. 479—489.
- Jasilioniene A. Premarital conception and divorce risk in Russia in light of the GGS data // MPIDR Working Paper. 2007. URL: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2007-025.pdf> (дата обращения: 21.09.2021).
- Keenan K., Kenward M. G., Grundy E., Leon D. A. Longitudinal prediction of divorce in Russia: the role of individual and couple drinking patterns // *Alcohol and Alcoholism*. 2013. Vol. 48, № 6. P. 737—742.
- Kurdek L. A. Gender and marital satisfaction early in marriage: a growth curve approach // *Journal of Marriage and Family*. 2005. Vol. 67, № 1. P. 68—84.
- Rosand G. M., Slinning K., Røysamb E., Tambs K. Relationship dissatisfaction and other risk factors for future relationship dissolution: a population-based study of 18,523 couples // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2014. Vol. 49, № 1. P. 109—119.
- Van der Lippe T., Voorpostel M., Hewitt B. Disagreements among cohabiting and married couples in 22 European countries // *Demographic Research*. 2014. Vol. 31. P. 247—274.
- Wagner M. On increasing divorce risks // *Divorce in Europe: New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-ups* / ed. by D. Mortelmans. Springer Open, 2020. P. 37—61. URL: https://www.researchgate.net/publication/339008818_On_Increasing_Divorce_Risks (дата обращения: 21.09.2021).
- Wiik K. A., Bernhardt E. Gendered expectations: expected consequences of union formation across Europe // *Journal of Family Studies*. 2019. Vol. 25, № 2. P. 214—231.

References

- Andersson, G., Thomson, E., Duntava, A. (2017) Life-table representations of family dynamics in the 21st century, *Demographic Research*, vol. 37, pp. 1081—1230.
- Amato, P. R., Hohmann-Marriott, B. (2007) A comparison of high and low-distress marriages that end in divorce, *Journal of Marriage and Family*, vol. 69, no. 3, pp. 621—638.
- Avdeev, A., Monnier, A. (2000) Marriage in Russia: a complex phenomenon poorly understood, *Population: An English Selection*, vol. 12, pp. 7—50.
- Chuiiko, L. V. (1975) *Braki i razvody* [Marriages and divorces], Moscow: Statistika.
- Fine, M. A., Harvey, J. H. (eds) (2006) *Handbook of Divorce and Relationship Dissolution*, Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Goldscheider, F., Bernhardt, E., Lappegård, T. (2015) The gender revolution: a framework for understanding changing family and demographic behavior, *Population and Development Review*, vol. 41, no. 2, pp. 207—239.
- Golod, S. I. (1984) *Stabil'nost' sem'i: Sotsiologicheskiĭ i demograficheskiĭ aspekty* [Family stability: Sociological and demographic aspects], Leningrad: Nauka.
- Gurko, T. A. (2018) Blagopoluchie muzhchin i zhenshchin razlichnogo brachnogo statusa: Rossiia v mezhdunarodnom kontekste [Well-being of men and women of different marital status: Russia in the international context], *Sotsiologicheskiĭ zhurnal*, vol. 24, no. 1, pp. 73—94.

- Gurko, T. A., Boss, P. (1995) Otnosheniia muzhchin i zhenshchin v brake [Relationships between men and women in marriage], in: Antonov, A. I., Matskovskii, M. S., Méddok, Dzh., Khogan, Dzh. (eds), *Sem'ia na poroge tret'ego tysiacheletia*, Moscow: Institut sotsiologii RAN, Tsentr obshchechelovecheskikh tsennoŝteĭ, pp. 35—70.
- Hatch, L. R., Bulcroft, K. (2004) Does long-term marriage bring less frequent disagreements?: Five explanatory frameworks, *Journal of Family Issues*, vol. 25, no. 4, pp. 465—495.
- Human Development Report 2019: Beyond Income, beyond Averages, beyond Today: Inequalities in Human Development in the 21st Century* (2019), New York, available from <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2019> (accessed 21.09.2021).
- James, S. L. (2015) Variation in marital quality in a national sample of divorced women, *Journal of Family Psychology*, vol. 29, no. 3, pp. 479—489.
- Jasilioniene A. (2007) Premarital conception and divorce risk in Russia in light of the GGS data, *MPIDR Working Paper*, available from <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2007-025.pdf> (accessed 21.09.2021).
- Keenan, K., Kenward, M. G., Grundy, E., Leon, D. A. (2013) Longitudinal prediction of divorce in Russia: the role of individual and couple drinking patterns, *Alcohol and Alcoholism*, vol. 48, no. 6, pp. 737—742.
- Kiseleva, L. S., Strielkovski, W. (2016) Vospriiatie schast'ia rossiianami [Perception of happiness by Russians], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 86—91.
- Kletsina, I. S., Vekilova, S. A. (2020) Gendernye otnosheniia v rossiĭskoi sem'e: tendentsii transformatsii [Gender relations in the Russian family: transformation trends], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 78—91.
- Kurdek, L. A. (2005) Gender and marital satisfaction early in marriage: a growth curve approach, *Journal of Marriage and Family*, vol. 67, no. 1, pp. 68—84.
- Pishniak, A. I. (2009) Vnutrisemeĭnye konflikty: osnovaniia, kontsentratsiia, determinanty [Intra-family conflicts: causes, concentration, determinants], in: Zakharov, S. V., Maleva, T. M., Siniavskaia, O. V. (eds), *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*, iss. 2, Moscow: Nezavisimyiĭ institut sotsial'noi politiki, pp. 185—204.
- Røsand, G. M., Slinning, K., Røysamb, E., Tambs, K. (2014) Relationship dissatisfaction and other risk factors for future relationship dissolution: a population-based study of 18,523 couples, *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, vol. 49, no. 1, pp. 109—119.
- Rzhanitsyna, L., Arkhangel'skii, V. (2008) 1000 moskvichek — o razvode i alimentakh na detei [1000 Muscovites women — about divorce and child support], *Chelovek i trud*, no. 6, pp. 29—32.
- Sinel'nikov, A. B. (2017) Sub'ektivnye prichiny razvoda: dannye issledovaniia [Divorce for subjective reasons: the survey data], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 18, Sotsiologiia i politologiia, no. 3, pp. 116—139.
- Van der Lippe, T., Voorpostel, M., Hewitt, B. (2014) Disagreements among cohabiting and married couples in 22 European countries, *Demographic Research*, vol. 31, pp. 247—274.
- Wagner, M. (2020) On increasing divorce risks, in: Mortelmans, D. (ed.), *Divorce in Europe: New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-ups*, Springer Open, pp. 37—61, available from https://www.researchgate.net/publication/339008818_On_Increasing_Divorce_Risks (accessed 21.09.2021).
- Wiik, K. A., Bernhardt, E. (2019) Gendered expectations: expected consequences of union formation across Europe, *Journal of Family Studie*, vol. 25, no. 2, pp. 214—231.
- Zadvornova, Yu. S. (2014) Differentsiatsiia domashnego truda v rossiĭskoi sem'e: gendernye stereotipy i sovremennye tendentsii [Differentiation of domestic labor in the Russian

- family: gender stereotypes and recent trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 51—58.
- Zakharov, S. V. (ed.) (2017) *Naselenie Rossii 2015* [Population of Russia 2015], Moscow: Izdatel'skiĭ dom Vyssheĭ shkoly ekonomiki.
- Zakharov, S. V., Maleva, T. M., Siniavskaia, O. V. (2007) Programma "Pokoleniia i gender" v Rossii: voprosy metodologii [Program "Generation and Gender": methodological questions], in: Maleva, T. M., Siniavskaia, O. V. (eds), *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*, iss. 1, Moscow: Nezavisimyiĭ institut sotsial'noi politiki, pp. 35—74.

Статья поступила в редакцию 30.07.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 24.08.2022.

The article was submitted 30.07.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication 24.08.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Чурилова Елена Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований населения и здоровья, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия, evchurilova@hse.ru (Cand. Sc. (Sociology), Research Fellow at the International Laboratory for Population and Health, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), Moscow, Russian Federation).

Захаров Сергей Владимирович — кандидат экономических наук, заместитель директора Института демографии им. А. Г. Вишневого, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия, szakharov@hse.ru (Cand. Sc. (Econ.), Deputy Director of A. G. Vishnevsky Institute of Demography, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), Moscow, Russian Federation).